

В комендатуре (бывшем банке) перед отправкой в Германию

И я пошел по коридору моей первой тюрьмы. Все двери, обращенные в коридор, были раскрыты. Ни в комнатах, ни в коридоре — нигде не было никакой мебели: ни столов, ни стульев, ни даже простых скамеек. Вместо этого в каждой комнате вдоль стен лежали вороха соломы. Это было так странно и неожиданно — на паркетных полах, под высокими потолками с лепными карнизами у красиво окрашенных стен лежала светлая, золотистая солома — постель для узников. Жизнь поворачивалась ко мне какой-то неизведанной стороной. Солома на паркетных полах являла вид такой несовместимости абсолютно разных по назначению и восприятию вещей, что я под воздействием этого зрелища вдруг очень четко осознал и свое положение совершенно несовместимым с нормальной человеческой жизнью. До меня как-то сразу дошло, что все дальнейшее в моей жизни теперь будет совершаться с полным нарушением традиционной логики моего прежнего существования и что подошло время проститься мне с моей жизнью в родном отеческом доме.

Во дворе банка было очень многолюдно, в здание уже никого не пускали. Нам объявили, что на вокзал мы пойдем строем в сопровождении конвоя из немецких солдат и полицейских, а на вокзале по спискам будет погрузка в вагоны. Строго предупредили, чтобы мы не нарушали строя и соблюдали порядок движения. Через некоторое время в сопровождении полицейских появился священник. Установили стол, накрытый белым покрывалом, на столе водрузили икону, рядом поставили серебряную чашу. Священник прочитал молитву и окропил нас святой водой. Многие подходили под благословение и прикладывались к большому золоченому кресту. Я этого не сделал, о чем впоследствии иногда жалел. Я не чувствовал себя искренно верующим, хотя под влиянием материнской веры в Бога и по незабываемым впечатлениям раннего детства религиозное чувство во мне не было окончательно убито. Но что-то меня удержало и я не подошел к священнику.

Среди отправляемых в Германию (я уже говорил об этом) у меня не было ни одного товарища. Знакомые были, а друзей и товарищей не было. Это объяснялось тем, что все мои хорошие друзья: Толя Ляшков, Коля Малеев, Миша Торбик, Володя Шкуренок — все были значительно старше меня и отправке в Германию, слава Богу, не подлежали. (Им досталась доля не лучше моей: сразу же по освобождении Новозыбкова из-под оккупации их всех взяли в армию, и уже через месяц их матери начали получать похоронки.)

Е.П. Мосягин «Живое дыхание смерти»